

Ж. Е. Левина

Гастрономическая торговля в Омске начала XX в. в воспоминаниях Леонида Мартынова

Практика питания, специфические продукты, кулинария в современной науке рассматриваются как факторы, формирующие особое социальное пространство, как способ этнической, национальной, культурной идентичности в традиционном и современном типах общества.

Гастрономическая культура в современных гуманитарных исследованиях считается одним из актуальных, но недостаточно изученных направлений познания повседневности¹. Социология питания, исследующая социальные практики питания, социальные правила и нормы, регулирующие пищевое поведение людей, определяющая социальную дифференциацию в питании, раскрывающая идентичность социальных групп, формирующихся в процессе питания, признается одной из перспективных и востребованных линий исследований. Важнейшая социальная функция регуляции питания определяется как формирование в коллективном сознании понятия «мы-группа»². Алиментарная культура воспринимается как отражение процессов этнической, гендерной, социальной идентичности, где еда выступает не только маркером восприятия *чужого*³. В концепции культурной гибридности гастрономическая торговля видится как важнейший канал межкультурной коммуникации, представляющий исторические процессы взаимодействия этносов в условиях урбанистического ландшафта.

На основе теории и методологии социальной науки о питании прослеживается формирование производства, распределения,

---

¹ Ден В. Г., Коноплёва Н. А. Гастрономическая культура Дальневосточного региона как предмет истории повседневности // Гуманитарный вектор. 2019. № 4. С. 87–97.

² Веселов Ю. В., Чернов Г. И. Еда и мы: гастрономический портрет Петербурга // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 1. С. 182–209.

³ Мецержков А. Ю., Антропов О. К. Культурная гибридность и диаспора в контексте китайской и американской истории (на примере пространства Чайнатауна в США) // Манускрипт. 2020. № 6. С. 44–52.

обмена и потребления продуктов питания в отдельных городах⁴. При экономико-социологическом подходе гастрономическое пространство анализируется как элемент социального и культурного пространства города⁵. Теоретические аспекты питания как объекта изучения, теории и практики «общепита», особенности питания «русского зарубежья» обсуждались в рамках исторической психологии⁶. В отдельных работах гастрономическая символика стран и городов разбиралась на основе художественных текстов и традиционных форм литературы путешествий. Таверны, рестораны, харчевни и кофейни как знаковая часть Лондона второй половины XVII в. выявляются в творчестве первой профессиональной писательницы Англии Афры Бен⁷. Ритуалам, связанным с приемом пищи и встречей гостей как части культуры арабов-кочевников Алжира XIX в. уделяется значительное внимание в книгах Эжена Фромантена⁸. Признаки и направления предпринимательства этнических групп, хозяйственные стратегии и экономические практики различных европейских диаспор во фронтирном освоении окраин Российской империи активно исследуются на основе теории «предпринимательских меньшинств»⁹.

В автобиографической книге «Воздушные фрегаты» (1969–1974 гг.) писатель Леонид Мартынов (1905–1980), выступая против сухого статистического подхода или «механистического» изучения города

---

⁴ *Веселов Ю. В., Чернов Г. И.* Санкт-Петербург: гастрономический портрет. СПб., 2020.

⁵ *Чернов Г. И.* Гастрономическое пространство Санкт-Петербурга как основа методологического исследования экономической социологии питания // Теория и практика общественного развития. 2021. № 5. С. 45–49.

⁶ Питание, «общепит» как отражение психологии людей в прошлом, настоящем и будущем : материалы XXXV Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 19–20 мая 2014 г. СПб., 2014.

⁷ *Трофимова В. С.* Лондонский «общепит» в произведениях Афры Бен // Питание, «общепит» как отражение психологии людей в прошлом, настоящем и будущем. С. 16–20.

⁸ *Овчарова Е. А.* Эжен Фромантен об обычаях гостеприимства у алжирских кочевников в середине XIX в. // Там же. С. 53–57.

⁹ *Гончаров Ю. М., Климова О. Г.* Историография немецкого предпринимательства в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. // Журнал фронтирных исследований : [электронный журнал]. 2021. № 4. С. 12–27. URL: <https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/331/268> (дата обращения: 29.05.2023) ; *Кротт И. И.* Место «модерна»: немецкое предпринимательство в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Там же. С. 179–195. URL: <https://jfs.today/index.php/jfs/article/view/340/276> (дата обращения: 19.05.2023).

как набора достопримечательностей, стремится создать художественный вариант осмысления Омска. Критики указывают на «человеколюбие», лежащее в основе творчества писателя¹⁰. Сам автор определяет свой подход как «антропологический», что сближает его с методологией «одушевленности» города (И. М. Гревс, Н. Андиферов) и «одушевленности» истории (О. Шпенглер). Книга Мартынова интересна еще и тем, что автор изображает образ Омска, основываясь, во многом на своих детских и подростковых впечатлениях. Красочные, поэтичные картины мира детства являются традиционными для русской литературы, но «Детство» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина, «Детство Никиты» А. Н. Толстого описывают этот мир в усадьбе или деревне. Иван Шмелев передает детские впечатления от рождественской торговли горожанина, москвича, коренного жителя Замоскворечья, Кадашевской слободы¹¹. Восприятие ребенком и подростком «из интеллигентной семьи» (что неоднократно упоминается автором) продовольственной торговли в сибирском городе вносит новые яркие штрихи в понимание не только локальной гастрономической культуры, но и процессов формирования культурной гибридности региона.

Описывая несколько видов продовольственной торговли в Омске и окрестностях, главное внимание автор уделяет «человеческому фактору», определяющему ее особенности.

Гастрические варианты торговли на вокзалах «Великого Сибирского пути» связываются с традиционной культурой этноса, преобладающего в ближайшей к станции местности. В Калачинске проезжающим предлагали «одни только шаньги», «никаких калачей». На станции Колония, получившей название «в честь» поселения эстонских переселенцев, торговали бисквитами. В самом Омске на улицах казахи продавали кумыс¹².

Самое живописное изображение получила торговля на Казачьем базаре в самом центре города. В описании рынка автора увлекает этническое многообразие продавцов, определяемое в том числе и по национальным костюмам. Украинцы носили «гоголевские свитки». «Рыжие» немцы-колонисты кутались в сибирские тулупы.

¹⁰ Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты : новеллы. Омск, 1985. С. 7.

¹¹ Михайлов О. Поэма о старой Москве (Иван Шмелев и его «Лето Господне») // Шмелев И. С. Лето Господне : праздники, радости, скорби. М., 1988. С. 3.

¹² Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. С. 188.

Изображение казахов включает и гендерный аспект. Мужчины-всадники «в цветных малахаях на лисьем меху». Женщины-наездницы на верблюдах, «важные казашки», «гордые байши»¹³ в зеленых и фиолетовых бархатных шубах и шапочках с перышками птиц¹⁴, в «засаленных парчах и бархатах»¹⁵. Казахи весной на рынок привозили майский кумыс в мехах и бочонках, зимой — мясо, масло, сало и молоко, замороженное в виде «лунообразных» колес. Торговали также «нехитрой» степной пушниной, кожей¹⁶. Свой товар доставляли немцы и украинцы. Продавцы нескольких этнических диаспор предлагали однотипные товары, что позволяло удовлетворять разные вкусовые запросы омичей. Горожане предпочитали покупать масло у латышей, яйца — у эстонцев¹⁷.

Экзотика рыночной торговли вызывала интерес и у гостей города. На особенности вербальной коммуникации обращал внимание О. Гебель, в путевых записках о Сибири отмечавший, что «с появлением немцев немецкий язык в Омске можно было услышать через одного», так необычно он звучал на рыночной площади «среди киргизов с верблюжьими повозками»¹⁸. Колорит омской уличной торговли и Казачьего базара неизменно притягивал внимание местных художников разных поколений. Автор наиболее ранних известных изображений Омска, преподаватель Сибирского кадетского корпуса, выпускник Академии художеств М. М. Сажин¹⁹ не только зафиксировал бытовые подробности, но и персонализировал казахскую торговлю, изобразив Денгиза Джюсунова, «доставлявшего кумыс в 1875 г. для всего г. Омска».

Действовал «конский базар»²⁰. Торговля мясом и скотом занимает особое место в воспоминаниях Мартынова. «Фиолетовые скотские туши», врезавшиеся в память писателя с самого раннего детства, «чуть ли не с первого дня жизни»²¹, породили его причудливое

¹³ Там же. С. 285.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 211.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 16.

¹⁸ *Кротт И. И.* Место «модерна»: немецкое предпринимательство в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. С. 189.

¹⁹ Энциклопедия города Омска : в 3 т. Омск, 2009. Т. 1 : Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год). С. 191.

²⁰ *Мартынов Л. Н.* Воздушные фрегаты. С. 181.

²¹ Там же. С. 211.

восприятие творчества М. Врубеля. «Мрачно одухотворенный» Демон, по мнению Мартынова, мог отражать не только архетипы и конкретные исторические события, сохранившиеся в фольклорном варианте, но и младенческие впечатления будущего художника. Самому автору художественное полотно напоминало картину повседневной и праздничной торговли, которая «могла быть знакома», по его мнению, и будущему художнику. «Фиолетовые скалы вокруг Демона» вызвали воспоминания о «красных скотских тушах» в базарных и ярмарочных омских рядах: «Мрачно одухотворенный лик Демона возвышается над фиолетовожильной мускульной плотью, как бы подвергнутый нечеловеческой пытке сдирания кожи с живого тела. Само собой разумеется, что это мотив общечеловеческий, но, может быть, гамма красок вобрала в себя не только отблески азиатских зорь и костров, но и отзвуки преданий о старинных распрях и расправах в степи и горах над врагами?»²² Киргизы на верблюдах, конский базар, бесконечные стада скота, идущие на бойни²³ были настолько знаковыми для Омска, что могли сложиться, по мысли Мартынова, в прообраз Скотопригоньевска, места действия романа Достоевского «Братья Карамазовы», больше соответствуя его обобщенному образу²⁴, нежели Старая Русса, Козельск, Тобольск, Семипалатинск, давшие прототипические детали литературному тексту²⁵: «Но ведь степной Омск с его киргизами на верблюдах, с его бесчисленными стадами рогатого скота, гонимого на неблагоприятные бойни, а ныне на мясокомбинат, — этот Омск, подумал я, более соответствует названию Скотопригоньевска, чем какой-нибудь иной город! И Достоевский не мог не знать об этом»²⁶.

Потребности жителей города в овощах и фруктах обеспечивали многочисленные «татарские магазинчики», расположенные на Атаманской, центральной улице города. В подвальных помещениях домов, «фруктовых подвальчиках», «громоздились ароматные пирамиды» местных и привозных яблок: крупных верненских (сорт

²² Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. С. 141.

²³ Там же. С. 181.

²⁴ Там же.

²⁵ Юхнович Ю. В. Старорусские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Неизвестный Достоевский : электронный научный журнал. 2017. № 4. С. 141. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1514285405.pdf (дата обращения: 26.06.2022).

²⁶ Мартынов Л. Н. Воздушные фрегаты. С. 181.

апорт, выведенный в окрестностях Верного, ныне Алма-Ата (Алматы)) и «продолговатой» крымской кандили. Торговали кишмишем, черносливом, рожками (плоды цератонии стручковой или рожкового дерева, используются как заменитель какао-порошка). Сухофрукты оптом реализовывал «ташкентский татарин» Гарифов, живший недалеко в собственном доме на Никольском проспекте (ныне ул. Красных зорь)²⁷. Осенью в город приходили «арбузные» плоты, доставлявшие эти сочные ягоды с бахчей из-под Семипалатинска (ныне Семей)²⁸.

Китайская торговля у Мартынова связана в основном с содержанием «кабачков», предлагавшим посетителям алкоголь и наркотические средства. Авторское же описание способа приготовления этих напитков, при котором использовались «самораспускающиеся», «фокусные» фигурки, напоминает процесс заваривания цветочных связанных чаев²⁹: «<...> старый китаец с косой, бормоча: “Моя не кули таян!”», пускал в чашку коричневой пивообразной бурды какие-то шарики, превращавшиеся в цветочки, бабочки и рыбки»³⁰.

Мартынов дает характерный для любых воспоминаний симультанный, совмещающий события, разделенные во времени, образ торговли в Омске. «Приобщить к видимому городу незримый мир былого» (Н. Анциферов)³¹ призвано сочетание реконструкции личных детских и юношеских впечатлений с выделением коннотативных кодов в литературе и живописи. Обращение к произведениям искусства моделирует качественную сферу особенностей рутинной жизни и быта, наполняя яркими красками и объемом историческую картину повседневности сибирского города и его окрестностей. Художественные тексты способствуют более точной реконструкции региональных алиментарных систем и сегментов, структуры рыночного пространства. Воспоминания Леонида Мартынова вносят новые штрихи в образ «предпринимательских меньшинств» и понимание особенностей межэтнической коммуникации в условиях модернизации сибирского общества в конце XIX — начале XX в.

---

²⁷ Там же. С. 17.

²⁸ Там же. С. 20, 195.

²⁹ Там же. С. 204–205.

³⁰ Там же. С. 178.

³¹ *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. М., 2014. С. 20.